

Юлия Тупикина, iosono@yandex.ru

Уроки литературы

Пьеса для юного зрителя и не только

Алиса – 12 лет

Лю – 60 лет

Антон – 12 лет

Соня – 12 лет

Папа

Коробочка

Ноздрёв

Собакевич

Плюшкин

Диана

Ученик 1

Ученик 2

Вождь

1.

Алиса и Лю лежат под кроватью. Темно, с улицы светят фонари, на полу свеча.

ЛЮ. Прижался спиной и животом.

АЛИСА. Это же узко очень.

ЛЮ. Он сначала был раздутый. Такой был нормальный, здоровый.

АЛИСА. Фу. Это же ужас, как представить.

ЛЮ. Да. Сестра его, и мать, и отец – они, конечно, содрогались от омерзения, как ты говоришь.

АЛИСА. Я бы не смогла в комнату к нему зайти вообще.

ЛЮ. Они не заходили. Сначала сестра только, она еду приносила, убирала. Потом ей надоело. Она на работу устроилась продавщицей. А потом ей надоело. Там грязно стало у него. Воняло. Потом мать раз зашла. Они мебель выносили, чтобы он спокойно мог бегать. Ну, он по полу бегал, по стенам, потолку.

АЛИСА. Какой ужас, Лю!

ЛЮ. Да. Ужас. А потом, в конце, служанка стала заходить. У неё не было омерзения, она как-то спокойно. Простая женщина. Веником его если что. А так он один был целыми днями. Раз, ещё в начале, выбежал из комнаты, так отец в него яблоком бросил, оно застряло там в спине. Гнило.

АЛИСА. Фу, Лю! Хватит уже эти ужасы мне тут! Так а что у него со спиной стало?

ЛЮ. Воспаление началось. Он потерял аппетит. Не бегал. Не ел. И, знаешь, что меня больше всего зацепило. Такая сцена: семья пустила жильцов. А сестра его Грета любила на скрипке играть. Он ещё хотел её в консерваторию устроить учиться. Он же главным добытчиком у них был, они не работали, он работал коммивояжёром.

АЛИСА. Комми... Кто это?

ЛЮ. Продавал ткани, ездил. Это такие продавцы, которые везде ездят и пристраивают товары свои, коммивояжёры. Так вот, он когда превратился, то

перестал работать, и они вынуждены были работать пойти, и ещё жильцов позвали в одну комнату. И Грета играла на скрипке для них однажды. И Грегор так проникся, понимаешь.

АЛИСА. Проникся.

ЛЮ. Так проникся музыкой он. Что выполз из комнаты, а он уже очень слабый был, высохший. Вылез, и подполз к сестре, и слушал. Он так любил её в тот момент. Ему хотелось обнять её и сказать, как она играет хорошо. Понимаешь? Но он не мог.

АЛИСА. Понимаю. Когда дедушка на гитаре играет, я тоже.

ЛЮ. Да. Такая музыка сразу в сердце, да?

АЛИСА. Да, музыка в сердце.

ЛЮ. Хочу обнять тебя... И вот жильцы показывают пальцем на него, он ведь чудовище, гигантское насекомое. И свет горит. И все видят его, вся семья. И он слабый. Он одинокий. Он стоит посреди комнаты, но он так одинок. И только музыка с ним. Только музыка.

АЛИСА. Знаешь, я это понимаю.

ЛЮ. Ты понимаешь?

АЛИСА. Да, понимаю, Лю. Знаешь, когда Антон мне присылал музыку, я её слушала, и как будто он хотел сказать что-то.

ЛЮ. Что ты ему нравишься.

АЛИСА. Ну не знаю, Лю.

ЛЮ. Такая красивая Алиса. Конечно, она нравится многим.

АЛИСА. Не разговаривай со мной так. И что там дальше было?

ЛЮ. Он умер. На другое утро умер. Наверное, от воспаления. От истощения.

АЛИСА. Не хочу такую грустную историю.

ЛЮ. Грустная история, да. Но смерть всегда есть.

АЛИСА. Зачем ты мне это всё рассказываешь? Надоело уже слушать! Лучше бы он вырвался на свободу и всех бы в городе пугал, загрыз бы всех. А в новостях бы показали: чудовищное насекомое уничтожило полгорода! Круто!

ЛЮ. Он такой хрупкий. Мы все такие хрупкие.

АЛИСА. Я нет! Я не хрупкая совсем! Мы должны быть не хрупкие!

ЛЮ. И он не злой был. Совсем не злой.

АЛИСА. А я злая. Могу ущипнуть тебя от злости.

ЛЮ. Не можешь, детка.

АЛИСА. Сколько мы будем тут сидеть под кроватью ещё?

ЛЮ. А самое главное, знаешь что? Что он мог улететь. И они бы никто ему ничего не сделали.

АЛИСА. Улететь? У него были крылья что ли?

ЛЮ. Да, но он не знал об этом. И Кафка не знал. Писатель. А знал только Набоков.

АЛИСА. Кто такой Набоков?

ЛЮ. Другой писатель. И учитель литературы. И ещё учёный энтомолог он.

АЛИСА. Эн-то-мо-лог.

ЛЮ. Энтомолог – это специалист по насекомым.

АЛИСА. Сколько всего, я не запомню.

ЛЮ. У тебя феноменальная память.

АЛИСА. Я тебя умоляю, Лю!

ЛЮ. В общем, он мог вырваться. Улететь. Но он сидел под диваном. И ещё простыня свешивалась, чтобы не видно его было. Он прятался. Ему было стыдно.

АЛИСА. А может, ему нравилось.
 ЛЮ. Думаешь?
 АЛИСА. Может, он хотел, чтобы его все оставили в покое.
 ЛЮ. Может быть. Пойдём завтра гулять?
 АЛИСА. Давай тоже завесимся простынёй.
 ЛЮ. Пойдём! Будем слушать музыку улиц.
 АЛИСА. Ну-ну. Я дома послушаю. Окно открою и послушаю, если что.
 ЛЮ. Не скучаешь по Антону?
 АЛИСА. Лю!
 ЛЮ. А по Соне?
 АЛИСА. Лю!
 ЛЮ. Так всё-таки что случилось?
 АЛИСА. Я не хочу говорить на эту тему. Я, кажется, ясно выразилась?
 ЛЮ. Откуда ты взяла такое? Это учительница какая-нибудь так говорит?
 АЛИСА. Угадай.
 ЛЮ. Агнесса Степановна?
 АЛИСА. Нет.
 ЛЮ. Мария Матвеевна?
 АЛИСА. Диана Анатольевна. Ну что, давай уже вылезать.
 ЛЮ. Надо было уволить мне Диану Анатольевну. Эти интонации, знаешь.
 АЛИСА. Да, она противная. Ну, теперь не уволишь уже.
 ЛЮ. Теперь, да. Теперь я не директор школы, а училка литры.
 АЛИСА. Моя бабушка училка, ха-ха!
 ЛЮ. Преподаватель!
 АЛИСА. Ха-ха! Преподаватель!
 ЛЮ. Литературы!
 АЛИСА. Ха-ха! Литературы!
 ЛЮ. Надо же тебя подтягивать по гуманитарным.
 АЛИСА. Да кому это надо? Эти гуманитарные.
 ЛЮ. Ну так, чтобы ты могла выпендриться в разговоре, показать, какая ты умная. Начитанная.
 АЛИСА. Это да.
 ЛЮ. Поэтому завтра мы будем изучать Гоголя. А для этого надо выйти на улицу.
 АЛИСА. По пятницам мы гуляем в парке с дедушкой.
 ЛЮ. Потому что Гоголь – это движение, понимаешь?
 АЛИСА. Я посижу дома, Лю.

2.

Лю и Алиса идут по улице, утро.

АЛИСА. Зомби-триллер!
 ЛЮ. Ха!
 АЛИСА. Миядзаки как будто!
 ЛЮ. На самом деле это не совсем про мертвецов.
 АЛИСА. “Мёртвые души” же!
 ЛЮ. Да, “Мёртвые души”. Там такой сюжет. Один мутный тип, Чичиков, ездит по городам, знакомится с чиновниками и покупает у них крепостных крестьян, но только мёртвых.

АЛИСА. Ужас какой! Лю! Их выкапывают что ли? Гоголь жжёт!

ЛЮ. Да нет, не выкапывают! Он покупал их только по документам, чтобы они у него по документам как бы были, что как будто он такой помещик с крепостными. А на самом деле они мёртвые. Мёртвые!

АЛИСА. Боже, как страшно. Смотри, такие грязные эти машины.

ЛЮ. А мёртвые у него там лучше, чем живые. Вот послушай: «Что из этих людей, которые числятся теперь живущими? Что это за люди? мухи, а не люди». И дальше он рассказывает, какой потрясающий у него Пробка Степан, плотник. Представляешь, ростом три аршина с вершком.

АЛИСА. Как это?

ЛЮ. Это значит, два метра двадцать сантиметров где-то или чуть больше.

АЛИСА. Баскетболист!

ЛЮ. Гоголь такой удивительный, конечно. Там помещица, Коробочка, рассказывает, как умер у неё один кузнец. Он сам сгорел, изнутри. Как будто выпил, а потом синий огонёк пошел от него, и он истлел, истлел и почернел как уголь.

АЛИСА. Говорю же, зомби-триллер! Это надо чтобы Миядзаки мульт сделал!

ЛЮ. Да, почему бы и нет, я бы посмотрела!

АЛИСА. Ха! И это в школе проходят?

ЛЮ. Да, «Мёртвые души» в программе.

АЛИСА. Круто! Хочу почитать!

ЛЮ. Ты в школу теперь не будешь ходить, да?

АЛИСА. Я же сказала! Сколько повторять?

ЛЮ. Правильно, я считаю.

АЛИСА. Что?

ЛЮ. Правильно, говорю. Это скучное место.

АЛИСА. И кто это говорит?! Директор школы!

ЛЮ. Бывший директор школы.

АЛИСА. Директора школы бывшими не бывают.

ЛЮ. Нахваталась.

АЛИСА. А то, я же у вас такая развитая девочка.

ЛЮ. Осторожно, развитая девочка, под машину попадёшь.

АЛИСА. Почему они их не моют?

Лю рисует пальцем на стекле какой-то машины: «Гоголь жив».

Жи-ши пиши через букву и!

ЛЮ. Я учительница литературы. А не русского.

АЛИСА. И всё равно через и!

ЛЮ. Эта пыль цвета глаз Антона.

АЛИСА. Думаешь?

ЛЮ. Ты посмотри. Такая бархатная пыль. Благородная.

АЛИСА. У него более голубой оттенок. Ты опять?

ЛЮ. У него они более прозрачные, да?

АЛИСА. Опять ты?

ЛЮ. Да нет, я не про Антона уже. Знаешь, весной тени деревьев такие чёткие бывают. Деревья ещё без листьев, поэтому. Такие они графичные.

АЛИСА. Что такое «графичные»?

ЛЮ. Как будто нарисованные.

АЛИСА. И губы у него как будто нарисованные. Графичные.

Лю рисует на чьей-то машине «А+А=Л».

Лю! Что ты делаешь? Что ты делаешь? Совсем нет!

ЛЮ. Нет?

АЛИСА. Нет!

ЛЮ. Соня?

АЛИСА. Хватит уже ко мне лезть!

ЛЮ. Маленькая ты говорила: «Не доводите меня до уголка моих нервов!»

АЛИСА. Как вы любите подводить.

ЛЮ. И дедушка?

АЛИСА. Дедушка нет.

ЛЮ. Дедушка молодец.

АЛИСА. Скучаешь?

ЛЮ. Скучаю.

АЛИСА. Расскажи мне про Гоголя ещё.

ЛЮ. «Да еще, когда бричка подъехала к гостинице, встретился молодой человек в белых канифасовых панталонах, весьма узких и коротких, во фраке с покушеньями на моду, из-под которого видна была манишка, застегнутая тульской булавкой с бронзовым пистолетом. Молодой человек оборотился назад, посмотрел экипаж, придержал рукою картуз, чуть не слетевший от ветра, и пошел своей дорогой».

АЛИСА. А дальше?

ЛЮ. А всё. Этот человек больше не встретился Чичикову. Никогда. У Гоголя персонажи возникают из ниоткуда и пропадают в никуда.

АЛИСА. В никуда?

ЛЮ. В никуда.

АЛИСА. Грустно это.

ЛЮ. И мы с тобой идём, встречаем этих прохожих, и больше, может, не встретим их никогда.

АЛИСА. Никогда?

ЛЮ. Никогда.

АЛИСА. Я не хочу так.

ЛЮ. Этот на Ноздрёва похож.

Лю ловит за рукав прохожего.

ЛЮ (*Прохожему*). Здравствуйте! Подождите минуточку! Пожалуйста!

НОЗДРЁВ. В чём дело?

ЛЮ. Можно узнать ваш номер телефона?

НОЗДРЁВ. Ха-ха! А в чём дело?

ЛЮ. Я хочу позвонить вам когда-нибудь. Или она.

НОЗДРЁВ. Ха-ха-ха! А в чём дело?

ЛЮ. Понимаете, нам так больно, что мы больше никогда можем вас не встретить. Мы бы хотели, чтобы нас что-то связывало, какая-то тонкая нить.

НОЗДРЁВ. Да в чём дело!

ЛЮ. Мы можем сыграть с вами в карты. Вы же любите играть в карты?

Прохожий быстро уходит.

(кричит ему вслед). На этом месте! Через неделю! И так каждую неделю! Мы будем ждать!

АЛИСА. Ты напугала его, Лю.

ЛЮ. Это механический человек. Он знает только одну фразу. А если ему пощекотать пятки, он засыпает.

АЛИСА. Ха-ха! Пощекотать пятки!

ЛЮ. Да. Муж Коробочки никак без этого не мог заснуть, знаешь.

АЛИСА. Муж Коробочки – смешно звучит! Ха-ха!

ЛЮ. Коллежская секретарша между прочим.

АЛИСА. Ха-ха! Секретарша!

ЛЮ. Между прочим, это такой гражданский чин. Соответствует морскому мичману. И Пушкин был коллежский секретарь, и Тургенев. И был такой Илья Ильи Обломов в романе Гончарова, и он тоже коллежский секретарь.

АЛИСА. Так они все секретарями работали? И Пушкин?

ЛЮ. Нет, они служили чиновниками, и так назывался их чин. И вот муж Коробочки служил. И по вечерам кто-нибудь чесал ему пятки, и он засыпал. А потом он умер. А Коробочка скучает по нему.

АЛИСА. И Чичиков женился на ней?

ЛЮ. Нет, он не женился на ней. Он вообще ни на ком не женился.

АЛИСА. Это правильно.

ЛЮ. А вон Собакевич идёт. Смотри, видишь?

АЛИСА. Кто такой Собакевич?

ЛЮ. Это помещик, похожий на медведя.

АЛИСА. Да, этот похож.

ЛЮ. И даже дрозд его тоже был похож на медведя. И столы, и стулья.

АЛИСА. Дрозд, ха-ха! ГМО-дрозд, дрозд с использованием генов медведя, ха-ха-ха!

ЛЮ. Но знаешь, меня что особенно восхищает? Это то, как из лица Собакевича Гоголь создаёт двадцатилетнего щеголя.

АЛИСА. Как это?

ЛЮ. «Подъезжая к крыльцу, заметил он выглянувшие из окна почти в одно время два лица: женское в чепце, узкое, длинное, как огурец, и мужское, круглое, широкое, как молдаванские тыквы, называемые горлянками, из которых делают на Руси балалайки, двухструнные, легкие балалайки, красу и потеху ухватливого двадцатилетнего парня, мигача и щеголя, и подмигивающего, и посвистывающего на белорудых и белошейных девиц, собравшихся послушать его тихострунного треньканья».

АЛИСА. Какие смешные слова: белорудых, белошейных!

ЛЮ (Собакевичу). Простите, а вас случайно не Михаил зовут?

СОБАКЕВИЧ. Михаил.

ЛЮ. Чудесно! А папу вашего не Семён?

СОБАКЕВИЧ. Нет, Алексей.

ЛЮ. Значит, вы не настоящий Собакевич.

СОБАКЕВИЧ. Что? Кто?

ЛЮ. Гоголя любите?

Собакевич быстро уходит.

АЛИСА. Бабушка, ты хулиганка.

ЛЮ. Мы с тобой как Чичиков на бричке путешествуем, встречаем людей.

АЛИСА. А куда мы идём, кстати?

ЛЮ. Куда глаза глядят. Ты же неделю уже из дома не выходила?

АЛИСА. Не хотелось.

ЛЮ. А вот эта старушка похожа на Плюшкина. Такой был помещик сумасшедший. Очень жадный. Всё копил и копил бессмысленно. Всё гнило у него. Нищим стал.

АЛИСА. Давай отдохнём?

3.

Алиса, Лю и Плюшкин едят мороженое в кафе.

ЛЮ. Расскажите, как вас зовут.

ПЛЮШКИН. Зоейсан.

ЛЮ. Что, простите?

ПЛЮШКИН. Зоя Александровна. Зойсан.

АЛИСА. Красивое имя у вас.

ПЛЮШКИН. Благодарю.

ЛЮ. А где вы живёте?

ПЛЮШКИН. В пятиэтажке. На пятом этаже.

ЛЮ. А дети ваши где?

ПЛЮШКИН. Где-то далеко. Сашка, ёлы...

ЛЮ (*перебивая*). А кем вы работали раньше?

АЛИСА. Лю, дай Зоисан поесть.

ПЛЮШКИН. Благодарю. Мороженое не ела давно.

АЛИСА. Лет десять?

ПЛЮШКИН. Вчера угостили. Но то шоколадное было, я его не люблю.

ЛЮ. Мне кажется, вы бывшая учительница.

АЛИСА. Гоголя любите?

ПЛЮШКИН. Товаровед я. Богато жила. Каждый день мандарины жрала.

ЛЮ (*Алисе*). Это такая профессия – при магазине, заниматься товаром.

ПЛЮШКИН. Как соотносятся цена и качество?

АЛИСА. Как?

ПЛЮШКИН. Это великий вопрос!

ЛЮ. Как правило, цена не соответствует качеству.

ПЛЮШКИН. Вот! Вот! Ты умная женщина! Именно! Вот, носят сейчас шубейки. Ну что это? Позор! Выстриженные, выбритые, тьфу! Драпиздончики! А ведь при утрате остевого волоса мех теряет свою теплоизолирующую функцию.

АЛИСА. Вау!

ПЛЮШКИ. Норки должны быть цельные!

ЛЮ. Истинно!

ПЛЮШКИН. Норка – она многое о человеке говорит. Вот ведь первый кто носит? Жёны. Жёны приличных людей. Чиновницы. Люди из торговли. Товароведы, как я. Хозяйки магазинов, ларьков. Уважаемые люди. Вот всю жизнь шубами занималась, а теперь вишь в чём хожу? Эх...

АЛИСА. По-моему, искусственный мех – это очень экологично.

ПЛЮШКИН. Логично, говоришь. Нет, не логично. Знаешь, какая у меня шуба была? Эх! Вы не знаете же! Угадай!

ЛЮ. Чёрная норка?

ПЛЮШКИН. Ха!

АЛИСА. Ягуар?

ПЛЮШКИН. Шиншилла.

ЛЮ. Да ладно!

ПЛЮШКИН. Я тебе говорю: шиншилла. Вот так вот. Шиншилла.

АЛИСА. Это грызун?

ЛЮ. Грызун.

АЛИСА. Так она же в Красную книгу занесена!

ПЛЮШКИН. Уж как я любила её! Эх! Как любила! Ждала её семь лет. Семь лет копила деньги. Тогда в девяносто первом и кролики-то редкостью были. Всё было в Красной книге твоей. Ничего людям. А я-то всегда не голодала. Товаровед. Но тоже, господи, голодранка по сравнению с иностранцами-то. Одна Сашку воспитывала. И такая мечта у меня появилась – шиншилла. Я же по шубам специалист была. А это же такая ценность! На один квадратный сантиметр кожи двадцать пять тыщ волосков! Думаешь, почему?

АЛИСА. Почему?

ПЛЮШКИН. Необычное строение меха. Из каждой волосяной луковицы растут шестьдесят-восемьдесят тончайших волосков. Вот так вот!

АЛИСА. Потрясающе.

ПЛЮШКИН. И вот копить начала. Копила долго. Семь лет. В отпуск не ездила. Сашку только матери в деревню отправлю на всё лето и сама коплю спокойно. Но медленно копилось. Я тогда квартиру двушку продала, и переехали мы с Сашкой в однушку. Тогда быстрее пошло. И вот, семнадцатого мая. Как сейчас помню. Эх, господи боже мой!

ЛЮ. Да вы не волнуйтесь, Зойсан. Вы пейте какао.

ПЛЮШКИН. И вот, семнадцатого мая девяносто восьмого года я купила её. Мы встретились. Я долго выбирала, конечно, года два. Тогда стали возить их, деньги у богатых были. И познакомилась с Танькой, она возила их из Италии. У ней магазин свой был. Шубы продавала. Я туда часто к ней ходила, в магазин-то. Чуть не каждый день. А ей что, ей только польза – учила её в шубах разбираться. А то она поначалу такое говно возила. И вот Танька поехала в Италию за шиншиллою моей. Она уже знала про мечту мою давно. Мы уже два года дружили с ней. Она и Сашку уже крестила даже, так подружались, благодаря шубам. Всё благодаря Нельке. Нелька – так назвала её, шиншилку мою. Ах.

АЛИСА. Лю, она, кажется, заснула.

ЛЮ (*трогая слегка Плюшкина*). Эй, вы с нами?

ПЛЮШКИН. Нелечка. Она из Аргентины родом была. Сто шкурок на неё пошло, даже больше. Я посчитала – сто пять. Такая она была, не передать. Такая красота совершенная! Я её с первого взгляда полюбила! Ах, Нелечка моя!

АЛИСА. Надо же, Нелечка!

ПЛЮШКИН. Нелечка. Моя Нелечка. Надела, и так спокойно мне стало с ней. Так хорошо сразу. Как будто нас друг для друга сделали. Я и она. Она и я. Эх! Где ты теперь, моя родная? (*плачет*).

АЛИСА. Лю!

ЛЮ. Ну что же вы, Зойсан, что же вы. Вы пейте какао, пейте. Мороженого ещё взять?

ПЛЮШКИН. Фисташковое. Полить кленовым сиропом. И вот, знаете, уж сколько мы с ней пережили! Боже мой! Сколько пережили! Раз из гардероба её хотели украсть. А я сижу в театре этом поганом, спектакль смотрю. А у самой

сердце так и заняло вдруг. Чувствую: что-то с Нелькой моей. А там эти актёры бездарные фальшивят, тьфу. Выхожу. Ноги обтоптала всем, но выхожу. И точно: шваль какая-то крутится возле гардероба, мол, номерок потеряла. А меня увидела – ширсть сразу из здания. Шваль! А гардеробщица мне говорит: она деньги предлагала, мол, номерок потеряла. От Нельки моей, ага.

АЛИСА. Страшно!

ПЛЮШКИН. Страшно – не то слово, девочка. Не то слово. А раз в лифт захожу дома, а со мной пацанчик заходит. И раз – ножик мне тычет в лицо: мол, снимай. Ага, щас. Да я ради Нельки! Я как пнула его по яйцам! И за руку схватила! Говорю: ах ты сморчок смердящий! Он покраснел весь, пыжится. И тогда ткнул он-таки Нельку ножом. Господи, как перепугалась я! Мог же всю её изрезать, всю! Потом мы лечились с ней, в себя приходили. У меня шрам вот тут. Я реставратору её дорогому понесла, он так сделал – что будто ничего и не было. Будто Нелька как новая. Но так жалко её было, так жалко. (*плачет*).

ЛЮ. Вы смелая женщина!

ПЛЮШКИН. А Сашка? Сашка-то знал, как она мне дорога, Нелька-то. И не забрал её. Сашка-то наркоманом стал. Потихоньку стал тащить из дома. А раз дружки его квартиру нашу и обчистили. Всё ценное унесли: кофемолку электрическую. Блузки мои с люрексом. Телевизор. Но Нельку не взяли. Сашка пожалел меня. Любил меня, Сашка-то. Я потом на поминках-то так и сказала: добрый у меня был сын. Добрый. От наркотиков умер.

АЛИСА. Ужас какой.

ПЛЮШКИН. А двадцать третьего ноября девяносто девятого это и произошло - когда Нельку-то у меня забрали. Господи, как мне плохо было. В больницу попала с кризом.

ЛЮ. Ещё бы, сын.

ПЛЮШКИН. Да не, Сашка-то потом уже, в двухтысячном ушёл. А Нелю я в девяносто девятом потеряла. На улице ободрали её с меня. По голове стукнули меня, и ободрали. Люди добрые скорую вызвали, а так бы околела. Неля! Неля моя!

ЛЮ. И не нашли?

ПЛЮШКИН. И не нашли. Уж я в милицию ходила, ходила. Куда там. С работы уволили меня. Не могла работать. Тосковала.

Алиса плачет.

ЛЮ. Алисонька, детка! Что же ты плачешь? Что случилось? Алиса!

ПЛЮШКИН. О, дышащая жизнь, имя твоё сияет повсюду! Вообрази «я могу» прямо сейчас! Облеки желание во всякий свет и форму! Прорости через нас свой хлеб и своё прозрение! Развяжи узлы неудач, связывающие нас! Помоги нам не забывать наш источник. Но освободи нас от незрелости избегать настоящее! От тебя возникает всякое Видение, Сила и Песнь! Аминь!

Плюшкин уходит.

4.

Алиса и Лю едут в маршрутке. Играет радио.

ЛЮ. Знаешь, я всё думаю об этом. Всё-таки, это был Акакий Акакиевич, а не Плюшкин.

АЛИСА. Кто?

ЛЮ. Эта женщина, Зойсан.

АЛИСА. Какая разница, всё равно Гоголь.

ЛЮ. Гоголь из эввивза.

АЛИСА. Я хотела сказать тебе.

ЛЮ. Что?

АЛИСА. Ну... Я... Я же по пятницам гуляю с бабушкой.

ЛЮ. Ну это же вечером. А сейчас ещё не вечер.

АЛИСА. Ну да.

ЛЮ. Ты это хотела сказать мне?

АЛИСА. А расскажи мне ещё какую-нибудь книжку.

ЛЮ. Ещё? Какую?

АЛИСА. Какую-нибудь не грустную.

ЛЮ. Макмёрфи знаешь?

АЛИСА. Нет, кто это?

ЛЮ. Это такой рыжий человек из романа «Полёт над гнездом кукушки». Это выдающаяся книга, конечно.

АЛИСА. Тоже из школьной программы?

ЛЮ. Нет, но это странно. Я бы вставила её туда. Вместо Некрасова, например. Этот Макмёрфи совершенно замечательный. Вот в начале романа он тоже вынужден был слушать громкое радио, как мы сейчас. Но мы можем выйти отсюда, а он не мог.

АЛИСА. Почему?

ЛЮ. Это была психушка.

АЛИСА. Он был псих?

ЛЮ. Нет. Он был нормальный. Просто хотел сбежать из колонии, откосить, так сказать. И сел в психушку. А там всякие сломанные люди сидели. И Старшая медсестра глушила их с помощью музыки. Так называемой музыки. Громко включала на целый день.

АЛИСА. Стерва.

ЛЮ. Стерва. И они не сопротивлялись. Они сломанные были. И только Макмёрфи восстал. Он стал потихоньку сопротивляться. И учить их этому. Он говорил большому индейцу: ты сильный! Ты – вождь! Ты можешь разнести тут всё! Он рыжий был, в шрамах и татуировках, клёвый, этот Макмёрфи. Борзой такой.

АЛИСА. Люблю таких. Антон тоже, знаешь, как физичку нашу затыкает! Она язык свой в жо... Она язык свой прикусывает сразу! И только Антон так может троллить её тонко! Он такой воспитанный, знаешь, высокий айкью у него!

ЛЮ. Отлично! Какой он молодец, этот Антон!

АЛИСА (*водителю маршрутки*). А вы не могли бы выключить радио? У меня эпилепсия на радиоволны. Эпилепсия. Падаю и пена изо рта, знаете?

Радио замолкает.

ЛЮ. Ты Достоевского сейчас читаешь, да?

АЛИСА. Да. Уже почти дочитала про Родиона. Так и что там дальше было с Макмёрфи?

ЛЮ. Понимаешь, он им такую веру в себя внушил. Они вдруг как-то наладились, стали целыми. Он вывез их как-то на море рыбачить на катере. Девчонку свою знакомую позвал. Они огромных рыб наловили, все

перемазались, пока чистили, напились там, даже доктор! А через неделю они прямо в психушке устроили вечеринку, представляешь? Ночью. Девчонки к ним пробрались.

АЛИСА. Ого!

ЛЮ. И они там разгром устроили. Катались на инвалидных колясках, пили, таблетками кидались, хихикали! Разнесли там всё!

АЛИСА. Классно! А у нас, знаешь, тоже вечеринка была. У Сони день рождения, и мы все пришли, а родители её ушли, еду оставили, торт. И тут Антон достал бутылку вина, представляешь. И пачку сигарет. И мы курили и пили, и танцевали.

ЛЮ. Родителям не сказали, да?

АЛИСА. Ха! Нет, конечно. Потом Соня сказала маме, что отравилась тортом. Её тошнило.

ЛЮ. Ха-ха! Тортом!

АЛИСА. Да! Мы ужасно смеялись потом! Вообще, так классно было, мы музыку слушали. Медленные танцы танцевали.

ЛЮ. Антон пригласил тебя?

АЛИСА. Антон пригласил Соню. Потом меня. Но я не пошла, естественно.

ЛЮ. Естественно?

АЛИСА. Потом он сказал, что у него есть билеты в кино. Три билета.

ЛЮ. Вы пошли в кино?

АЛИСА. Нет, естественно.

ЛЮ. Естественно?

АЛИСА. Ни я не пошла, ни Соня.

ЛЮ. Почему?

АЛИСА. Не знаю, почему Соня. Мы поссорились с ней. Из-за комикса.

ЛЮ. Да?

АЛИСА. Мой комикс выиграл на конкурсе. А Сонин нет. А она же классно рисует, в студию ходит с детства. А мой выиграл.

ЛЮ. И ты не рассказывала никому?

АЛИСА. Это как раз было месяц назад. Дедушка в больницу лёг.

ЛЮ. Дедушка лежал в больнице?

АЛИСА. Ты не знала? Да. Что-то с сердцем. До сих пор лежит.

ЛЮ. А мама с папой?

АЛИСА. Они где-то там, в квартире бродят. Уставшие после работы такие. Ну ты же знаешь.

ЛЮ. И никто не поздравил тебя?

АЛИСА. Нет, никто не поздравил... Ну, Антон хотел. Но я тогда уже на Соню обиделась. Сказала ему: «Да ладно, не надо. Я же знаю, Гарри Потер круче, чем Всадник без головы». Соня нарисовала про Гарри Потера, а я про Всадника. А никто эту книжку не читал. Никто не знает про Всадника.

ЛЮ. Правда? А мы читали с тобой.

АЛИСА. Ты читала мне.

ЛЮ. Да.

АЛИСА. Я хотела сказать тебе...

ЛЮ. Да.

АЛИСА. Я хотела сказать тебе...

ЛЮ. Что?

АЛИСА. ...Ну это же так круто, когда мертвец без головы на лошади разъезжает!

ЛЮ. Да, Алиса, да. Это и правда круто.

АЛИСА. Надо и про Макмёрфи нарисовать. Что там дальше было? Они все выздоровели?

ЛЮ. Нет. Двое из них покончили самоубийством, остальные остались там, в сумасшедшем доме. И только Вождь ушёл. Сбежал. Его Макмёрфи вылечил как бы, наладил, починил. И Вождь снова стал нормальным, туман рассеялся. Он взял пульт. Там, знаешь, такой пульт был 200 килограмм, он взял пульт, а никто не мог поднять его, даже Макмёрфи. Вождь оторвал пульт от пола и кинул в окно, сломал решётку, и ушёл.

АЛИСА. Какой он молодец, Лю.

ЛЮ. Да.

АЛИСА. А что стало с Макмёрфи?

ЛЮ. Его история похожа на историю Христа. Его тоже распяли. Только на другом кресте. Ему отрезали часть мозга. За то, что он буйно себя вёл. И он превратился в овоща – ну то есть, в такого инвалида, идиота, у которого слюна бежит. И Вождь задушил его подушкой. Это был поступок. Он спас его.

АЛИСА. Он тоже умер? Бабушка! Зачем ты мне всё это рассказываешь? Зачем ты рассказываешь мне это?

ЛЮ. Это часть жизни, девочка.

АЛИСА. Смерть?

ЛЮ. Смерть.

АЛИСА. Я, знаешь, что хотела сказать тебе? Знаешь, что? Я люблю тебя, Лю.

ЛЮ. И я люблю тебя, Алиса. Сейчас мы выходим. Приехали.

АЛИСА. Куда?

ЛЮ. В твою школу. В нашу школу.

5.

Алиса и Лю в школе, стоят в коридоре на перемене, вокруг бегают дети.

АЛИСА. Сегодня пятница. Я по пятницам гуляю с дедушкой.

ЛЮ. Дедушка в больнице.

АЛИСА. Да. Все так пялятся на меня.

ЛЮ. Да просто смотрят. Давно не видели тебя. Месяц.

АЛИСА. Уже месяц. Зачем мы сюда пришли?

ЛЮ. Чтобы ты повидалась с друзьями.

АЛИСА. Мне не нужны друзья. Я сама по себе. Мне не нужна школа эта.

ЛЮ. А вон идут они, твой класс. Антон.

АЛИСА. Я не хочу! Не хочу!

Антон подходит к Алисе и Лю.

ЛЮ. Здравствуй, Антон!

АНТОН. Здравствуйте, Людмила Петровна!

ЛЮ. А мы как раз сегодня о тебе говорили с Алисой. Я считаю, она тебе очень нравится. Это же очевидно.

АНТОН. Да, это правда. Я люблю её. Тебя. Привет.

АЛИСА. Привет.

АНТОН. Давно тебя не видно было.

АЛИСА. Да.

АНТОН. Ты теперь будешь учиться?
 АЛИСА. Не знаю даже. Думаешь, надо?
 АНТОН. Тогда мы будем видеться каждый день.
 АЛИСА. Было бы здорово.
 ЛЮ. Ну вот! Видите! Всё хорошо!
 АЛИСА. Лю!
 ЛЮ. Ухожу-ухожу.

Лю уходит.

АНТОН. Я прочитал твой комикс. Про всадника без головы.
 АЛИСА. Да?
 АНТОН. Это круто. Круто нарисовано.
 АЛИСА. Да?
 АНТОН. Да. И я прочёл эту книгу. «Всадник без головы».
 АЛИСА. Да?
 АНТОН. Она такая для девчонок, мне кажется. Про любовь.
 АЛИСА. Не только.
 АНТОН. Не только. Такая олдскульная книжка. Вестерн.
 АЛИСА. Вестерн.
 АНТОН. А я тогда взял и нарисовал тоже комикс.
 АЛИСА. Конкурс уже закончился.
 АНТОН. Я просто нарисовал, чтобы тебе показать.
 АЛИСА. Да?
 АНТОН. Да. Комикс на «Свой среди чужих, чужой среди своих». Есть такой вестерн олдскульный. Моей маме нравится, и папе.
 АЛИСА. Потрясающе.
 АНТОН. Приходи ко мне в гости. Я покажу тебе.
 АЛИСА. И Соня придёт?
 АНТОН. Нет, только ты.
 АЛИСА. Дело в том, что я теперь редко выхожу из дома.
 АНТОН. Тогда я к тебе приду.
 АЛИСА. С Соней?
 АНТОН. Нет, один. Давай сегодня приду.

К ним подходит Соня и Лю.

ЛЮ. А вот смотри, Алиса, кого я встретила! Твоя любимая Соня!
 СОНЯ. Привет!
 АЛИСА. Привет!
 ЛЮ. Соня, ты приходи сегодня к нам в гости, диафильмы посмотрим.
 СОНЯ. Хорошо, Людмила Петровна! С удовольствием!
 ЛЮ. И ты, Антон, приходи! Я настряпаю печенья.
 АНТОН. Я с удовольствием приду! Благодарю за приглашение, Людмила Петровна!
 ЛЮ. Алиса, ну я подожду тебя там внизу.

Лю уходит.

АНТОН. Мне кажется, я люблю тебя, Алиса. И хочу пригласить тебя в кино. И каждый день ходить с тобой в кино. Только с тобой. Именно с тобой. Мне

важно было сказать тебе это в присутствии Сони. Чтобы не было недомолвок между нами.

Антон уходит.

СОНЯ. Мне он очень нравится, но ему нравишься ты. Это же очевидно.

АЛИСА. Ты так думаешь?

СОНЯ. Неважно, что я думаю. Так есть. И я рада за тебя!

АЛИСА. Спасибо, подруга! Соня, ты правда, лучше рисуешь.

СОНЯ. Да нет, что ты!

АЛИСА. Да, правда! Ты потрясающе рисуешь! Правда!

СОНЯ. Я хотела сказать, что ты такая молодец! Твой «Всадник без головы» - он гораздо интереснее моего «Гарри Потера», гораздо! Композиция такая правильная!

АЛИСА. Ну нет, ну я же не ходила в художественную школу, а ты ходила. У тебя лучше нарисовано, конечно, Соня! Это же очевидно!

СОНЯ. И вообще, я хотела сказать, я так скучала по тебе, Алиса! Так скучала! Ты самая лучшая моя подруга, с тобой мне очень-очень хорошо! А без тебя грустно.

АЛИСА. И я по тебе скучала очень. Весь месяц. Мне было так одиноко, знаешь.

СОНЯ. Давай никогда-никогда не ссорится.

АЛИСА. Это моя мечта.

СОНЯ. Это же очевидно, что мы очень похожи с тобой. Ты моя самая лучшая подруга. Давай обменяемся телефонами в знак дружбы.

Соня и Алиса обмениваются смартфонами: Алиса даёт ей свой чёрный, Соня даёт ей свой розовый.

6.

Урок литературы в классе, ученики сидят за партами. Диана ведёт урок. На задней парте сидит Алиса, уткнулась в свой чёрный телефон и не слушает. На первой парте сидят Антон и Соня. Соня периодически заглядывает в свой розовый телефон.

УЧЕНИК 1. Да ты лось!

УЧЕНИК 2. Сам ты лось! Олень!

ДИАНА. Так, ну что, ну кто тут, что тут? Не класс, а дубовая роща! Ну всё, замолчали, открыли учебники, седьмой «А». Сироткин, ты записку принес?

УЧЕНИК 2 (*подавая записку*). Вот, Диана Анатольевна.

ДИАНА. Что тут будто курица лапой писала. Ты сам писал что ли, Сироткин? Как сирота?

УЧЕНИК 2. Диана Анатольевна! Это мама писала!

ДИАНА. Не знаю, не знаю. Воспаление хитрости у тебя иногда случается, по моему. Что у тебя с тетрадьё? Ты что на ней блины жарил? Ну да ладно. Ну что, седьмой «А», открыли учебники? Что нам задавали, кто краем уха слышал?

СОНЯ. Домашнее задание – Некрасов.

ДИАНА. Молодец, Соня. Садись, пять. Шутка. Ха-ха! Ты стихотворение-то выучила?

СОНЯ. Конечно, Диана Анатольевна!

ДИАНА. Умница. Ну что, кто ещё выучил Некрасова?

Поднимают руки Антон и Соня.

Лес рук. Ну что, как обычно, у нас Антон и Соня только учатся?

УЧЕНИК 1. Да Мартынов у меня пожизняк всё на алгебре списывает.

ДИАНА. Колпаков! Что ты сочиняешь тут! Ты бы лучше сочинения сочинял!

УЧЕНИК 1. Сочинения скучно.

ДИАНА. Скучно дворы подметать. А остальные? О будущем думаете? А хотя, чего вам волноваться. Родители обеспеченные, пропихнут куда-нибудь, да? Думаете, нескоро ещё? У нас тут год за два, конечно, но опомнится не успеете, как школа закончится. И на свободе с чистой совестью. Да, Колпаков?

УЧЕНИК 1. А?

ДИАНА. У тебя бананы в ушах? Привыкли тут, развалились, как на курорте. А дети врачей и учителей поступить никуда не могут. Мой сын теперь в армии служит, потому что без денег не смог никуда поступить, да, Колпаков.

УЧЕНИК 1. А я при чём?

ДИАНА. А ты стихотворение выучил?

УЧЕНИК 1. А?

ДИАНА. Итак, Некрасов. Некрасов, Колпаков! Для особо одарённых приходится повторять ещё раз. Некрасов! Вот только Антон и Соня меня всегда слышат. А Киселёва, похоже, нет. Киселёва!

АЛИСА. Я с вами.

ДИАНА. Господи, и таким тоном. Конечно, если бабушка – директор школы, то такой тон сам собой образуется, да, Киселёва?

АЛИСА. Не понимаю, про что вы.

СОНЯ. Королева наша глуховата.

АНТОН. Ха-ха!

ДИАНА. Я, кажется, ясно выразилась, Киселёва. Колпаков! Ещё одно замечание – и завтра родители в школу!

УЧЕНИК 1. Да я чё? Я ничё!

УЧЕНИК 2. Не мы такие, жись такая! Ха-ха!

ДИАНА. Итак, Некрасов. Родная земля! Назови мне такую обитель, Я такого угла не видал, Где бы сеятель твой и хранитель, Где бы русский мужик не стонал? Стонет он по полям, по дорогам, Стонет он по тюрьмам, по острогам, В рудниках, на железной цепи; Стонет он под овином, под стогом, Под телегой, ночуя в степи... Колпаков! А ну тише! Двойку захотел?

УЧЕНИК 1. А чё он сам, Диана Анатольевна!

УЧЕНИК 2. Ты сам дурак!

ДИАНА. Я, кажется, ясно выразилась? Тише! Стонет в собственном бедном домишке, Свету божьего солнца не рад; Стонет в каждом глухом городишке, У подъезда судов и палат... Киселёва, ты ещё с нами? *(пауза)* Киселёва!

АНТОН. Она запуталась в сети.

ДИАНА. Я вижу, что она запуталась в сети. У нас же правило: никаких телефонов на уроке. Я, кажется, ясно выразилась? Киселёва?

АЛИСА. Да.

ДИАНА. Ты слышала сейчас Некрасова?

АЛИСА. Нет.

ДИАНА. А между тем, это стихотворение надо знать наизусть.

АЛИСА. А можно не знать?

СОНЯ (*фыркает*). Особые условия!

АНТОН. Надо, надо учить, Киселёва!

ДИАНА. Антон, не надо меня заменять, я сама могу ответить. Киселёва, учить надо. Это школьная программа. А что ты там так увлечённо читала?

АЛИСА (*зачитывает*). «Может быть, он рос неприрученным, где попало, гонял по всей стране, мальчишкой не жил в одном городе больше нескольких месяцев, поэтому и школа не прибрала его к рукам, а потом валил лес, играл в карты, кочевал с аттракционами, двигался быстро и налегке и ускользал от комбината, так что ему не успели ничего вживить. Может быть, в этом все и дело - он ускользал от комбината, как вчера утром от санитаря ускользал, не давая ему вставить градусник, - потому что в движущуюся мишень трудно попасть».

УЧЕНИК 1. Ха-ха-ха! Пять баллов, Киселёва!

УЧЕНИК 2. Психи про психов!

СОНЯ (*закатывая глаза*). Ну как всегда!

АНТОН. Ха-ха-ха! Автор жжёт!

ДИАНА. Из какого это произведения, Киселёва?

АЛИСА. Это из «Полёта над гнездом кукушки».

ДИАНА. Из толерантной Америки. У них толерантность, дети, а у нас Некрасов.

АЛИСА. А бабушка говорила, что Некрасова надо заменить на Кена Кизи!

УЧЕНИК 1. На кого? Ха-ха!

СОНЯ (*Антону*). Она чокнулась.

АНТОН. Ты чокнулась, Киселёва!

УЧЕНИК 2. А давайте, правда, заменим, Диана Анатольевна! А то надоело: стонут, стонут!

ДИАНА. Тихо! Киселёва, детка. Мы все очень уважаем твою бабушку. Правда, уважаем.

СОНЯ. Господи, ну сколько внимания всегда. Мисс выскочка!

АНТОН. Ну ты странная, Киселёва!

ДИАНА. Твоя бабушка – знаменитый реформатор. Конечно, не всем её реформы и такой эксцентрический подход... Но о мёртвых либо хорошо, либо... Мы не будем сейчас прекращать учебный процесс. Я, кажется, ясно выразилась? Мы все скорбим. Мы все храним в своём сердце память, и так далее. Ценности! Ценности должны быть традиционные! Вот Ярославна – это образ женщины. Феврония – образ женщины. Тихая! Милая! Жертвенная! Вот и все женщины должны быть такими! Чтоб не видно было и не слышно! Чтоб тихая как тень, ширсть-ширсть, шуршала потихонечку, глаза в пол. Вот педагог – хорошая профессия для женщины. Кроткая профессия. Если дети кроткие, конечно, а не такие охламоны. А мужчина бы подвиг совершал. В армии, как настоящий мужчина. Женщина не может быть директором школы! За рулём ездить! На красной машине! Некоторые молодые люди в армии служат, в горячих точках! Пока тут некоторые за рулём. А я говорю: у меня точность! У меня качество! У меня тесты – сколько зубов в мешочке было у фашиста из «Молодой гвардии»? И они внимательно читают, запоминают дети. И не может быть этого брожения в умах, этой расхлябанности. ЕГЭ нам сверху спустили не зря. Точность! А она говорит: ведите детей в кино, ведите детей на экскурсии. В театр! Толю моего, когда он в школе учился, никто в театр не водил. И слава богу, хороший парень вырос. Сидел и зубрил, сидел и зубрил. Раньше театр был – высокое искусство, а сейчас можно на такое напороться! Тьфу! Прав, прав

министр наш. Странности! Нельзя пропагандировать странности! Нельзя про психически больных, про дегенератов. Искусство должно быть здоровое! Так я сказала бабушке твоей, Киселёва. А она говорит: здоровое, как при Гитлере! Как при Гитлере! Ну ничего! Я в гороно всё рассказала! Я им давно про странности её рассказывала. Есть, есть справедливость на свете. И слава богу, форму введут теперь. Теперь не будет этого вашего безобразия в джинсах. Форма – это дисциплина души! Вот, посмотри, Киселёва, в чём Соня в школу ходит – чёрная юбка, белая блузка. И значит, в голове у неё всё в порядке! И мама у неё это понимает, мама-то в прокуратуре работает и всё понимает. Твоя-то где работает теперь, а, Киселёва?

АЛИСА. Не ваше дело.

ДИАНА. Хамишь? Ну хаами, хаами. Ставлю «два» тебе за поведение.

АЛИСА. Да хоть десять двоек!

СОНЯ. Диана Анатольевна, не обращайтесь внимание. Мы если что ей бойкот объявим.

ДИАНА. Я в ваших детских конфликтах не участвую. И так, Некрасов. Обратимся к Некрасову. Читай, Соня.

СОНЯ. Выдь на Волгу: чей стон раздаётся Над великою русской рекой? Этот стон у нас песней зовется - То бурлаки идут бечевою!.. Волга! Волга!.. Весной многоводной Ты не так заливаешь поля, Как великою скорбью народной Переполнилась наша земля...

АНТОН (*перебивая*). Где народ, там и стон... Эх, сердечный! Что же значит твой стон бесконечный?...

Диана плачет.

7.

Алиса и папа едут в машине.

ПАПА. Ну что, как там у вас сегодня в школе?

АЛИСА. Да, нечего рассказывать, знаешь.

ПАПА. Почему? Что-то же рассказывали вам.

АЛИСА. Ерунду какую-то.

ПАПА. Алиса, в нашем конкурентном мире побеждает тот, у кого лучше образование. А это значит, надо вгрызаться в знания ещё со школы.

АЛИСА. Да, папа.

ПАПА. Вот взять меня. Лучший ученик в классе. Победитель районных и городских олимпиад по физике, химии, алгебре и геометрии, красная медаль в школе.

АЛИСА (*говорит с папой одновременно*). По физике, химии, алгебре и геометрии, красная медаль в школе.

ПАПА. Да, да, Алиса, именно так.

АЛИСА. И конкурс чтецов не забудь.

ПАПА. Да, и победитель...

АЛИСА. Многократный.

ПАПА. И многократный победитель конкурса чтецов. Да, Алиса, это мои достижения. Я горжусь ими! Они позволили мне легко поступить в университет. И закончить его с красным дипломом. А теперь у меня, как ты знаешь, уже три образования. И это что значит?

АЛИСА. Что ты слишком умный.

ПАПА. Не только это, но и это тоже. Это значит, что я получаю хорошую зарплату. Это означает, что мы летом поедем на море, в хороший отель.

АЛИСА. С фай-фаем и быстрым интернетом.

ПАПА. Да, с вай-фаем и быстрым интернетом.

АЛИСА. И ты уткнешься в свой ноут-бук, мама в свой айпад, и больше я вас не увижу две недели.

ПАПА. Ну не преувеличивай! Ты тоже утыкаешься в свой айпад. И я с тобой на горки ходил, помнишь? В прошлом году.

АЛИСА. Это когда мы там потерялись?

ПАПА. Неважно. Ты видишь, я с тобой сейчас. Пришлось отпроситься с работы, раз мама в командировке.

АЛИСА. Меня дедушка всегда встречает.

ПАПА. Но он же пока в больнице. Скоро дедушку выпишут. И я ради тебя отпросился, хотя это было почти нереально. Запомни, детка: самое дорогое – это время. Моё время очень дорогое. Знаешь, сколько стоит моя минута?

АЛИСА. Мама не в командировке. Она со своим другом поехала на море.

ПАПА. Алиса, что ты такое говоришь?

АЛИСА. Я слышала, как они по телефону договаривались.

ПАПА. Алиса, у мамы умерла мама. У мамы посттравматический стресс.

АЛИСА. Да, она так ему и говорила. Поэтому на море.

ПАПА. Какая ерунда! И что ты свой нос суешь!

АЛИСА. Папа, ты смотри на дорогу.

ПАПА. Я полностью контролирую ситуацию. И даже твоё враньё мне не мешает. Так какие уроки у вас сегодня были?

АЛИСА. Геометрия. Я очень люблю геометрию. Всё понятно, всё чётко. Сумма смежных углов равна сто восемьдесят градусов. Всегда.

ПАПА. Вот уже лучше! А вертикальные углы равны.

АЛИСА. Всегда.

ПАПА. А расскажи-ка мне теоремы.

АЛИСА. Биссектриса всегда делит угол пополам. Всегда!

ПАПА (*говорит одновременно*). Всегда!

АЛИСА. Папа, я не хочу ходить в эту школу. Никогда.

ПАПА. В смысле? Это хорошая школа, ты что. Там твоя бабушка была директором.

АЛИСА. Да, я в курсах. Больше не хочу.

ПАПА. Что за «я в курсах»? Говори грамотно.

АЛИСА. А мне забить.

ПАПА. погоди, ну это у тебя посттравматическое расстройство, наверное. Бабушка неожиданно как-то умерла.

АЛИСА. Как-то неожиданно, да.

ПАПА. Я погуглю, найду специалиста по таким случаям, мы решим этот вопрос, это психологическое расстройство. Всё нормально.

АЛИСА. Пусто там.

ПАПА. Что значит пусто? Там чуть ли не тысяча школьников.

АЛИСА. Там нет никого для меня.

ПАПА. Алиса, мы пошли тебе на встречу. Ты сказала: не хочу ходить в школу, окей, мы дали тебе месяц не ходить в школу. Но есть же обязанности! Ты отстанешь от программы. Сейчас тебе двенадцать, а каждый год отставание

будет накапливаться в геометрической прогрессии, пробелы разрастаться. Потом ты завалишь ЕГЭ и всё.

АЛИСА. И что?

ПАПА. И всё, сможешь поступить только на какого-нибудь гуманитария.

АЛИСА. А Кафка гуманитарий, да?

ПАПА. Господи, лучше бы Перельмана читала. Алиса, ты знаешь, я очень мягкий человек. Но здесь я тебе уступить не могу. Конкуренция знаешь какая? О! У нас сокращения прошли. Почему я не боюсь? Потому что специалиста такого уровня уволить не могут. Понимаешь? Они просто не могут! Меня точно не могут уволить! Ха! Уроды!

АЛИСА. Пап, притормози здесь, меня тошнит.

Машина останавливается, Алиса выбегает и куда-то бежит.

ПАПА. Алиса! Ты куда?

8. Алиса во дворе какого-то дома разговаривает с дворником.

АЛИСА. Привет, Вождь.

ВОЖДЬ. Здравствуй.

АЛИСА. Ты такой высокий.

ВОЖДЬ. А? Да, понимаю.

АЛИСА. Ты такой сильный. Ты знаешь, что ты сильный? Ты всех можешь победить.

ВОЖДЬ. Да?

АЛИСА. Да. Твой папа был индеец?

ВОЖДЬ. Индеец? Папа таджик.

АЛИСА. Это почти индеец. Белые отобрали у вас землю. Они хотели построить электростанцию. Деньги. Всё решают деньги.

ВОЖДЬ. Понимаю. Деньги – да. Ты ещё маленький, а вот вырастешь – понимать будешь. Я мама деньги посылаю.

АЛИСА. Вождь, мы должны сопротивляться им, вождь. Всей этой фабрике, комбинату.

ВОЖДЬ. Мой брат на фабрика работал. Фабрика закрылся. Что делать? Россию ехать.

АЛИСА. Это всё фабрика, вождь, комбинат. Всё вокруг, их порядки. Школа.

ВОЖДЬ. Да, да, понимаю.

АЛИСА. И Старшая медсестра – это тоже фабрика. Но ты сильный, вождь. Ты вырвешься. Я смотрю на твои кулаки – и они становятся большими. Большие кулаки.

ВОЖДЬ. Много злых людей. Телефон забирали, по голове ударяли.

АЛИСА. Сопротивляйся, вождь. Ты сильный, ты правда, сильный. Пока мы с тобой говорим, ты стал выше на полметра.

ВОЖДЬ. Большой?

АЛИСА. Очень большой, очень сильный. Настоящий вождь.

ВОЖДЬ. Ха-ха, я большой. Ты хороший! Дети мусор бросать, хулиган, говорю: ай-яй-яй! Ты молодец!

К ним быстро подходит Папа.

ПАПА. Алиса, ты почему убежала?

АЛИСА (*Вождю*). Я никогда не бросаю мусор, вождь.

ПАПА. Пойдём в машину, Алиса.

ВОЖДЬ. Такой хороший! Девочка! Разговаривал, разговаривал.

Вождь-дворник продолжает подметать улицу.

АЛИСА. Папа, ты читал «Полет над гнездом кукушки»?

ПАПА. Я не понимаю – куда ты? Что случилось? Выбежала!

АЛИСА. Ну может быть, хотя бы фильм.

ПАПА. Идем в машину, Алиса.

АЛИСА. Николсон.

ПАПА. Что Николсон?

АЛИСА. Там играет Николсон.

ПАПА. Я всегда говорил твоей бабушке, что лишние часы надо заниматься математикой. И вот!

АЛИСА. Вот, смотри, как будто Коробочка идёт.

ПАПА. Кто идёт?

АЛИСА (*Коробочке*). Здравствуйте, Настасья Петровна!

КОРОБОЧКА. Да я не Настасья Петровна.

ПАПА. Алиса!

АЛИСА. Ну вы просто не помните меня, я маленькая была, когда мы рядом жили с вами.

ПАПА. Мы тут никогда не жили.

АЛИСА. Вы же сажали цветы в палисаднике?

КОРОБОЧКА. Да, сажала, правда. И сейчас сажаю. Ты такая кудрявенькая бегала?

АЛИСА. Да-да! Это была я! Как ваше здоровье?

КОРОБОЧКА. Да ничего, девочка, ничего. Конечно, болит тут и там...

АЛИСА. Главное, вы живая, это самое главное.

ПАПА. Алиса, у меня ещё конференц-кол вечером.

КОРОБОЧКА. Алисынъка, да, главное, жива. И палисадник ещё сажаю. Начинают цветы тюльпаны, и я вся на нервах! Сама не срезаю цветы, пусть цветут, радуют, в вазу не ставлю. Так ведь рвут! Да ещё с корнем! Дети, дети, наверное, не знаю. Я лопаюсь от злости! Такие красивые нарцисы были! Просыпаюсь – нет нарцисов. Что ты будешь делать...

АЛИСА. А хотите я к вам буду приходить, Настасья Петровна? Рыхлить землю.

КОРОБОЧКА. Мария Фёдоровна я.

ПАПА. Алиса, может, пойдём уже?

АЛИСА. Папа! Бабушка мне никогда не запрещала общаться с людьми!

КОРОБОЧКА. Да ничего-ничего, пусть поговорит девочка, всё в порядке.

АЛИСА. Так я буду приходить? Где вы живёте?

КОРОБОЧКА. Да вот в 26 доме, здесь по улице. На первом этаже, квартира шесть, звони в домофон. Запомни, шесть.

АЛИСА. Хорошо! До встречи, Мария Фёдоровна!

Коробочка уходит.

ПАПА. Ты сегодня совсем отбилась от рук. Посмотри, и юбка вся грязная.

АЛИСА. А девочки должны быть аккуратные?

ПАПА. Да, вот именно.

АЛИСА. И должны хорошо учиться?

ПАПА. Да, должны хорошо учиться. Чтобы не работать дворниками.

АЛИСА. Мы с дедушкой любим подметать. И лопатой снег чистить на даче любим.

ПАПА. Прекрасно. А меня мой отец ремнём бил за двойки. И был прав! А ты должна слушаться родителей! Должна уважать отца! Я бегаю тут за тобой уже час, мне надоело! Всё, доберись до дому как хочешь!

Папа уходит.

8.

Алиса и папа в парке, едят пиццу на скамейке. Алиса поймала и рассматривает какого-то жука.

АЛИСА. Вот он, папа, это он. Видишь, крылья?

ПАПА. Вижу, крылатый жук. Надо же, проснулся уже.

АЛИСА. Видишь, всё-таки Лю была права – он мог улететь.

ПАПА. Жук?

АЛИСА. Грегор. Он мог улететь. Но он не знал, что есть крылья. Понимаешь?

ПАПА. Это Кафка?

АЛИСА. Да. И он бы послал тогда всех, и улетел. Всё равно об был там совсем один.

ПАПА. Тот был гигантским жуком.

АЛИСА. А мне теперь дорог каждый жук, папа. Каждый жук. Ну всё, идём домой.

ПАПА. Я отменил конференц-колл. Можем гулять дальше. Дома пусто.

АЛИСА. Пусто? Что ты имеешь в виду? Там почти тысяча жителей!

ПАПА. Хочешь ещё пиццу?

КОНЕЦ